

«В 1889 году к нам в Лавру, — вспоминал отец Кронид, — на послушание прибыл очень красивый молодой человек, брюнет с жгучими черными глазами, звали его Александр Дружинин. Он был москвич. Я представил его отцу наместнику, и его приняли в число братии. Послушание ему было дано в трапезной: служить странникам. Каждый день я его видел в Троицком соборе на братском молебне в два часа ночи. Время от времени спрашивал его: «Как поживаешь, привыкаешь ли?» Он отвечал иногда и со слезами умиления: «Живу как в раю». Я в таких случаях невольно благодарил Бога за его душевное устройство.

Прошло полгода, Александру Дружинину было дано новое послушание — заведовать овощными подвалами и дана келлия, в которой он стал жить один. Как-то прихожу к нему и замечаю, что мой знакомый в каком-то экстазе. Видимо, он совершал усиленный подвиг молитвы.

Прошло еще несколько месяцев. Однажды при посещении я спрашиваю его: «Брат Александр, ты за всеми монастырскими службами бываешь?» Он смиренно отвечает: «За всеми». — «И за братскими правилами бываешь?» «Бываю, — произнес он и добавил: — Я ежедневно в храме Зосимы и Савватия бываю за всенощной и стою утром раннюю и позднюю литургии». Тогда я ему говорю: «Скажи ты мне, с чьего благословения ты взял на себя подвиг усиленной молитвы. Утренняя, вечерняя и ранняя литургия — полный круг церковных служб, а правило братское завершает обязанности инока. Но поздняя литургия и всенощная есть не обязательное для всех повторение обычных служб. Я хорошо знаю, что во время поздней литургии с братской кухни приходят к тебе за продуктами, а тебя в келлии нет. Тогда поварам приходится искать тебя по церквам, что, несомненно, в их сердцах вызывает ропот и неприязнь. Подумай, такая молитва будет ли для тебя полезна? Да не оскорбится любовь твоя речью моей. Беру на себя смелость спросить тебя еще об одном. Много раз я прихожу к тебе и вижу, что ты находишься в подвиге. Кто же тебя на это благословил? Помни, брат Александр, что жить в монастыре и творить волю свою — дело вредное для души. Смотри, как бы своевольная молитва не ввела тебя в гордость и самообольщение и не стала тебе в грех. Молю и прошу тебя, ради Бога, не твори никаких подвигов без ведома своего духовного отца». Слушал меня юный подвижник с видимым неудовольствием. От него я вышел с тяжелым предчувствием чего-то недоброго.

Прошел еще месяц. Сижу я однажды в своей келлии, читаю книгу, часа в два дня. Вдруг неожиданно дверь моей келлии с шумом отворяется и торжественно, с громким пением «Достойно есть», входит брат Александр Дружинин. Он кладет земной поклон перед моей келейной иконой и вдруг начинает продолжать земные поклоны. Глаза его горели

каким-то недобрым зловещим огнем, и весь он, видимо, был возбужден до крайности. Не дождавшись конца его поклонов, я встал и, обращаясь к нему, ласково сказал: «Брат Александр! Я вижу, что ты заболел душой. Успокойся, сядь, посиди и скажи мне, что тебе надо». В ответ на мои слова он с сильным озлоблением закричал: «Негодный монах, сколько лет ты живешь в монастыре и ничего для себя духовного не приобрел. Вот я живу один год, а уже сподобился великих божественных дарований. Ко мне в келлию ежедневно являются множество архангелов от престола Божия. Они приносят семисвечник и воспевают со мной гимны неопикуемой славы. Если бы ты был достоин слышать это неизреченное пение, ты бы умер, но так как ты этого недостоин, я тебя задушу». Видя его нечеловеческое, злобное возбуждение и зная, что все находящиеся в прелести физически бывают чрезвычайно сильны, я говорю ему: «Брат Александр, не подходи ко мне. Уверю: я выброшу тебя в окно». Уловив момент, я постучал в стену соседа по келлии, который тотчас же и вошел ко мне на помощь. С появлением соседа, я стал смелее говорить ему: «Брат Александр, не хотел ты меня слушать и вот видишь, в какую ты попал адскую беду. Подумай: ты хочешь меня задушить. Святых ли людей это дело? Осени себя знамением креста и приди в себя». Но Дружинин продолжал выражать угрозу задушить меня как негодного монаха и еще говорил мне: «Подумаешь, какой наставник явился ко мне в келлию с советом — много не молись, слушай духовного отца. Все вы для меня ничто». Видя такую нечеловеческую гордость, злобу и бесполезность дальнейшего разговора с ним, я попросил соседа вывести его вон из моей келлии.

В тот же день после вечерни брат Александр снова явился ко мне и торжественно сообщил, что ныне за вечерней на него сошел Святой Дух. Я улыбнулся. Видимо, это его обидело, и он мне говорит: «Что ты смеешься? Пойди спроси иеромонаха отца Аполлоса, он видел это сошествие». В ответ на это я сказал: «Уверю тебя, дорогой мой, что никто не видел этого сошествия, кроме тебя самого. Умоляю тебя, поверь, что ты находишься в самообольщении. Смирись душой и сердцем, пойди смиренно покайся». Но больной продолжал поносить меня и грозить. Лишь пришел я на другой день от ранней литургии, брат Александр снова явился ко мне и заявил, что Господь сподобил его ныне в храме преподобного Никона дивного видения. От Иерусалимской иконы Божией Матери, что стоит над Царскими воротами, заблестал свет ярче молнии, и все люди, стоявшие в храме, будто бы попадали и засохли, как скошенная трава. Спрашиваю его: «А ты-то почему от этого света не иссох?» «Я, — отвечал он, — храним особой милостью Божией ради подвигов моих. Этого не всякий достоин». Говорю ему: «Видишь, брат Александр, как тебя диавол обольстил, возведя тебя в достоинство праведника, и тем увеличил твою гордость. Поверь мне, что стоявшие с тобой в храме пребывают в духовном здравии, а все, что ты видел, есть одна духовная прелесть бесовская. Образумься, осознай свое заблуждение, слезно покайся, и Господь помилует тебя». «Мне каяться не в чем, вам надо каяться!» — закричал он.

Видя такое буйство несчастного и опасаясь припадков безумия, я тотчас же написал

письмо его другу Ивану Дмитриевичу Молчанову, по просьбе которого Дружинин был принят в Лавру. В письме было описано состояние больного. Через три дня Молчанов был уже у меня. Я все объяснил ему о Дружинине и, зная, что он хорошо знаком с настоятелем Николо-Пешношского монастыря игуменом Макарием, посоветовал ему тотчас же отвезти к нему несчастного. В тот же день Дружинин был отправлен в Пешношский монастырь. Когда Иван Дмитриевич объяснил отцу игумену о болящем, тот спокойно сказал: «Милостью Божией он поправится у нас. И свои такие бывали». Александру Дружинину было назначено игуменом послушание — чистить лошадиные стойла на конном дворе. Брат Александр вначале протестовал, говоря: «Такого великого подвижника вы назначаете на такое низкое послушание. Я должен подвизаться в храме и совершать духовные подвиги для назидания прочим». Отец игумен, в успокоение его души, говорил: «Ты лучше всего и можешь показать добрый пример смирения и кротости через исполнение возложенного на тебя послушания. А относительно молитвы не беспокойся. За тебя в храме будет молиться вся братия». И действительно, по благословию отца игумена, за больного крепко молилась вся братия.

Прошло полгода. Александр Дружинин за все это время в храме бывал только по праздникам и за ранней литургией. Целый день кидая навоз, он настолько утомлялся, что вечером ложился спать без дневных молений и спал, как мертвый. Подвиги совершать ему уже было некогда. Мысль, что он святой, с каждым днем в нем слабела, и видения у него постепенно прекратились. Целый год он был на послушании в конюшне и о своих мнимых подвигах забыл. Затем его перевели в хлебопекарню, где тоже труд не легкий.

Через два года Дружинин переведен был на более легкие послушания. На лице его тогда проявился приятный отпечаток смирения. Семь лет подвизался он в Пешношском монастыре. Здесь его постригли в монашество с именем Афанасий. Впоследствии он перешел в московский Симонов монастырь, где за смиренную добрую иноческую жизнь был произведен в сан иеродиакона. Когда я был на послушании в Петрограде, в должности начальника Троицкого Фонтанного подворья, отец Афанасий Дружинин приезжал ко мне повидаться. Когда я спрашивал его, помнил ли он то, что было с ним в Лавре во время его духовного недуга, он отвечал: «Все помню, но только теперь сознаю весь ужас моего душевного состояния»».

Троицкие листки с луга духовного. 1890 г. С. 35.